

О СОПРОТИВЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОГО ОКРУГА СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ В 1920-е гг.

The article shows how the Orthodox believers opposed anti-religious policy of the Soviet government. The research is based on the analysis of documents of State archives of Mogilev region public associations, as well as some other documentary sources. On the example of Mogilev district the article illustrates the forms of the population's resistance to Soviet state's atheistic policy in the 1920s.

В современной исторической литературе понятие «сопротивление» (в контексте сопротивления советской антирелигиозной политике) толкуется неоднозначно. Некоторые исследователи относят к нему всякое проявление религиозности в условиях советского атеистического режима, в том числе, например, соблюдение тех или иных религиозных обрядов рассматривается как сопротивление просто «по определению». Другие считают, что «сопротивлением» можно считать только явные, сознательные нарушения советских законов и подзаконных актов, партийных постановлений или неписаных запретов, а все прочее относят к категории «адаптации» или полускрытого существования, а иногда – вообще к некоему параллельному бытию.

Не вступая в полемику с вышеназванными толкованиями и подходами, отметим лишь, что, как нам представляется, возможно, следует говорить о сопротивлении советской антирелигиозной политике в широком и узком смысле слова. В первом случае речь идет о любых формах противодействия (активных и пассивных, скрытых и явных, стихийных и организованных, единичных и массовых и т.д.). Во втором – только о явных и осознанных формах сопротивления. Так или иначе, обращение к теме сопротивления советской антирелигиозной политике, безусловно, актуально и позволяет, среди прочего, определить место религии в системе нравственных и мировоззренческих ценностей, ее роль в обыденном сознании и в повседневной жизни рядовых граждан.

В истории отношений Церкви и государства в советский период чередовались периоды интенсивных гонений и относительного спокойствия. Но и в 1920-е и в 1930-е гг. политическое руководство страны рассматривало церковь как идеологического противника, располагающего значительным экономическим потенциалом, и последовательно не только минимизировало пропагандистские возможности духовенства, но и осуществляло целый комплекс мер, максимально ограничивающих экономическую и хозяйственную деятельность церкви. В этих условиях верующие искали способы сохранения церковной жизни, пути сопротивления антирелигиозному наступлению советского государства.

Наиболее полные сведения о различных случаях противодействия населения Могилевщины антирелигиозным мероприятиям советской власти содержатся, в основном, в докладных записках о состоянии антирелигиозной пропаганды и настроениях населения по районам, сводках и сообщениях ГПУ Могилевского округа в вышестоящие инстанции, а также в партийные и советские органы Могилевского округа. Анализ этих и некоторых других документов позволяет выявить основные формы и методы сопротивления верующих атеистической политике советского государства.

С конца 1918 – 1919 гг. власти, наряду с прямыми гонениями, повели планомерную борьбу против Церкви и на уровне идеологии. Выдвигалась задача вызвать в народе недоверие к сакральной жизни Церкви, обвинить ее в обмане людей. Это и многочисленные антицерковные публикации в прессе, и кампания по вскрытию мощей, и обвинения Церкви в «шарлатанстве, фокусничестве». К таким кампаниям относится и разоблачение чудодейственной силы мироточащих икон и случаев исцеления.

Как факт противодействия такого рода «разоблачениям» можно расценивать распространение Могилевским архиепископом в 1920 г. среди крестьян Могилевского района листовки «О Могилево-братской иконе божией матери». В листовке говорилось о чудодейственной силе иконы, приводились свидетельства ее чудотворной силы, начиная с 1655 г. В тексте листовки приводятся факты спасительной помощи иконы, связанные с событиями войны между Речью Посполитой и Россией. Говорится, в частности, что во время осады г. Могилева войсками Радзивила «жители усердно молились об избавлении от угрожающей беды» и попытка по приказу Радзивила взорвать городскую стену закончилась неудачей, после чего осада города была снята. Еще одно свидетельство относится к событиям Северной войны, «когда князь Меншиков, будучи в Могилеве, задумал отомстить жителям за избиение их отцами москвитян в 1661 году». Однако Меншиков вынужден был отказаться от своего намерения «перебить всех жителей города» после того, как во время молитвы перед чудодейственной иконой в братской церкви «внезапно силой божи-

ей был повергнут на землю». Еще большее впечатление на сельских жителей должны были произвести приводимые в конце листовки свидетельства чудодейственной помощи иконы больным людям [1, л. 139].

Уже в первой половине 1920-х гг. планомерная и настойчивая пропаганда атеизма проводилась в школах для взрослых, воскресных университетах, кружках, клубах. Активную атеистическую работу проводили комсомольцы. Это довольно часто приводило к конфликтам со священнослужителями и верующими, в том числе и в обыденной жизни. К бытовому конфликту на религиозной почве можно отнести случай, произошедший 15 сентября 1925 г. в деревне Латраца Луполовского района в доме местного пастора (в деревнях Латраца, Грудиновка, Хоново, Красный Двор и Волоки Могилевского округа проживало значительное количество латышей). Во время застолья возник «религиозный диспут» и, как сказано в информации секретаря Латышского бюро т. Винчеля на имя заведующего Могилевским окружным земельным отделом Станкевича, «опозоренный пастор» вместе со своими сыновьями «подвесили» комсомольца-обидчика на веревках в бане, предупредив, что освободят только после того, как он откажется от своих слов. Кроме того за пастора заступился «второй приближенный к комсомолу парень» и «нанес висячему несколько пощечин за несознательность в его действиях перед пастором». Через несколько минут «подвергшегося истязанию» освободили. Однако случай этот имел серьезные последствия. Как свидетельствует документ, пострадавший в конфликте комсомолец намеревался «отнести данный инцидент в прессу», но после «некоторых переговоров с соответствующими товарищами таковой материал был изъят из редакции 2 октября с/г и переслан в ГПУ для принятия от них зависящих мероприятий». Информация секретаря Латышского бюро заканчивается просьбой «выделить одного сильного латыша, который обладал бы в достаточной мере красноречием по антирелигиозному вопросу с целью превращения кирхи в клуб пролетарского просвещения...» [2, л. 13].

В 1920-е гг. еще довольно частыми были случаи, когда участники мероприятий с антирелигиозной тематикой, высказывали несогласие со звучащими в докладах или выступлениях тезисами о несуществовании Бога, реакционной сущности религиозного мировоззрения. Примером такого рода является выступление одного из участников общего собрания технических служащих «Союза Рабпрос», проводившегося 20 декабря 1921 г. в г. Могилеве. В повестке дня собрания первым вопросом значился доклад «О происхождении рождества». В ответ на высказывание докладчика о том, что «никакого рождения Христа не было» и что «Теперь вера падает, духовенство при помощи мощей и различных чудес старается всеми силами удержать ее, но рабочий прозрел», выступавший после докладчика участник собрания заявил: «религия ничего дурного не делает, никому не запрещает не молиться, но запрещает убить, сделать что-либо плохое, не разрешает красть и т.п., но и в церковь ходить не заставляет» [3, л. 27].

Наступление на православную церковь в 1920-х годах осуществлялось по трем основным направлениям: идеологическому, экономическому и посредством вмешательства во внутрицерковную жизнь. В соответствии с декретом «О земле» (25 октября 1917) в перечень безвозмездно отчуждаемых и обрастаемых «во всенародное достояние» были включены монастырские и церковные земли [4, с. 25]. С января 1918 г. прекращалась выдача государственных средств на содержание церкви. Службы в церквях могли продолжаться в случае, если верующие ходатайствовали об этом и брали на себя обязательства по их содержанию [5, с. 13]. Церковные и религиозные общества лишались права собственности и прав юридического лица. Передача им в пользование зданий и принадлежностей осуществлялась по особым постановлениям органов центральной или местной власти [6, с. 5-6].

Архивные документы свидетельствуют, что подача заявлений о выдаче разрешений на содержание церкви в местные органы власти нередко сопровождалась самовольным сбором подписей о переизбрании церковных советов. Так, о несанкционированном сборе подписей председателем церковного совета Гавриленской церкви Костюковичского района говорится в ответе на секретный запрос Могилевского окружного комитета партии, данном Костюковичским райкомом КП(б)Б. К документу приложена справка начальника районной милиции т. Чапко. В ней сообщается, что председателем церковного совета Гавриленской церкви Терентию Лебедеву в конце 1929 г. было дано разрешение провести собрание верующих «для выражения пытанья аб трымани церкви» и «Ниякога дазволу на збор списов не давалось». Давая объяснения по поводу случившегося, Костюковичский райком КП(б)Б сообщает, что его административный отдел поручил присутствовать на собрании верующих председателю Гавриленского сельского совета [7, л. 102].

В документах 1920-х гг. сохранились свидетельства и о ремонте или строительстве культовых зданий без разрешения от местных органов власти. Так, из выписки из протокола заседания президиума Быховского районного исполнительного комитета от 29 июля 1925 г. следует, что в деревне Грудиновка до получения такого разрешения велись строительные работы по ремонту молитвенного дома и прилегающего к нему здания. После запрещения работ председатель Грудиновского церковного совета обратился в Быховский райисполком с заявлением о возобновлении строительных работ. В постановлении президиума райисполкома записано: «воспрепятствовать дальнейшую постройку молитвенного дома, так как таковой заново строится». Следует, однако, отметить, что этим же постановлением районному земельному столу было поручено отвести другой участок земли под молитвенный дом, так как прежнее место его расположения находилось близко от школьного двора [8, л. 40].

Безусловно, самым радикальным и действенным средством экономического давления на религию и церковь в 1920-е гг. являлось закрытие храмов. Масштабность кампании по изъятию храмов у религиозных общин Могилевского округа подтверждается статистическими данными о количестве изъятых культовых зданий по районам. К 1 января 1920 г. только в г. Могилеве было закрыто 6 церквей, 5 синагог, 1 костел и 1 кирха. Кроме того, «2 синагоги самоликвидировались». По 4 храма были закрыты в Могилевском (4 церкви) и Пропойском (2 церкви и 2 синагоги) районах. По 3 культовых здания были изъятые у религиозных общин Быховского (3 синагоги); Климовичского (2 церкви и 1 синагога) и Кричевского (2 синагоги и 1 костел) районов. По 2 закрытых храма приходится на Чаусский (2 церкви); Шкловский (2 церкви); Костюковичский (1 церковь и 1 костел) и Хотимский (1 церковь и 1 синагога) районы. По 1 синагоге было изъято в Кормянском (из 2-х), Краснопольском (из 2-х), Чериковском (из 3-х) и Чечевичском (из 2-х) районах [9, л. 182].

Закрытие храмов под различными предлогами продолжалось и в последующие годы. Это довольно часто встречало противодействие верующих. Так, с закрытием церкви в 1929 г. было связано массовое выступление весной 1930 г., произошедшее в деревне Рыжковка Грудиновского сельского совета Быховского района. Без какого бы то ни было согласования или разрешения властей верующие пригласили священника из г. Могилева для освещения закрытой ранее церкви. Сообщается, что освещение прошло при «массовом участии» верующих. Кроме того, священни-

ком было принято решение о приглашении архиерея в открытую самовольно церковь в связи с тем, что во время ее закрытия «был сдвинут с места престол». По предложению священника верующие стали проводить сбор пожертвованных [10, л. 385].

Как свидетельствуют документы, массовые выступления против закрытия церквей и изъятия церковных ценностей часто были связаны с проведением коллективизации. Так, 10 декабря 1929 г. в деревне Польшковичи был организован колхоз «Имени Красной Армии», в который вступило 223 крестьянских хозяйств из 315. «Полное обобществление всего имущества» началось в 1930 г. 16 февраля 1930 г. около 50 женщин, побывавших на внеочередной исповеди, которую проводили священники местной церкви Романовский и Бруевич, около 12 часов ночи явились в дом председателя колхоза с требованием вернуть им обобществленный скот. Эта часть сводки Могилевского окружного отдела ГПУ названа весьма красноречиво – «Попы срывают коллективизацию». Заканчивается документ просьбой правления колхоза к окружному отделу ГПУ «о принятии мер к попам, как мешающих строительству Колхоза» [11, л. 176].

Некоторые из бывших священнослужителей и членов их семей, бывших монашествующих принимали участие в деятельности подпольных групп, возникших «на почве недовольства политикой советской власти». Так, в донесении в НКВД БССР начальника административного отдела Могилевского окружного исполнительного комитета и начальника милиции и уголовного розыска Могилевского округа «Аб анці-савецкай контр.-рэвалюцыйнай групойкі у Лупалаўскім раёне Магілёўскай Акругі» в числе участников группы, действовавшей в 1929 – 1930 гг., названы жители г. Могилева и 9 деревень Могилевского района. Среди названных – дочь священника Алейникова, которая «падтрымлівае сувязь са сваім бацькам і кулакамі» и бывшая монашка Рыбакова. В организацию входили бывшие офицеры царской и белой армии, бывший полицейский чиновник, кулак, учителя. Среди обвинений – выступление против кооперации; уничтожение портретов вождей («...знімали насценныя партрэты Калініна, Рыкава і Зіноўева, якія палілі, а партрэт Леніна тапталі...»); призывы «прадаць усю жывелу... няхай праводзяць сваю палітыку», а также «ісці шляхам Троцкага – тады ўся шантрапа гэта... як пыль і прайдзе не болей 3-4 гады» [12, л. 132].

В заключении следует отметить, что, несмотря на целенаправленную антирелигиозную политику партийно-государственных органов, выдвинуть религию и церковь из повседневной жизни населения, обиденного сознания и поведения рядовых граждан в 1920-е гг. не удалось. Религиозные нормы для очень многих сохраняли значение основных, базисных, не только в духовной, но и в хозяйственно-экономической и бытовой сферах жизни. Весьма красноречивой в этом смысле является запись, сделанная на отчете Вендрожской ячейки РКП (б) с выводом о том, что «у крестьян чувствуется отрыв от религиозного дурмана» – «Слишком поспешный вывод о констатировании отрыва крестьян от религии» [13, л. 59].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Могилево-братской иконе божией матери // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 812.
2. ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 284.
3. Протокол общего собрания технических служащих Союза Рабпрос от 20/ХІІ 21 г. // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 58.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 35. – 599 с.
5. Калинин, В.Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях / В.Н. Калинин. – М.: Политиздат, 1989. – 64 с.
6. Научно-справочная библиотека Государственного архива Могилевской области (ГАМО) // Сборник законов СССР. – 1924. – № 8 (31 августа).
7. Справа з сакрэтнымі паперамі АПА Магілёўскага А.К. КПБ № 164 // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 891.
8. Выписки из протокола № 26 заседания президиума Быховского районного исполнительного комитета от 29 июля 1925 года // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 361.
9. «Аб рэлігійныхбудынках, знаходзячыхся ў Магілёўскай Акрुзе па становішчу на 1 студзеня 1920 г.» // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 812.
10. Справа з сакрэтнымі паперамі АПА Магілёўскага А.К. КПБ № 164. Церковные выступления // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 891.
11. Районная сводка № 176 Могилевского окружного отдела ГПУ Белоруссии по состоянию на 28/ II – 30 г. // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 891.
12. Аб анці-савецкай контр.-рэвалюцыйнай групойкі ў Лупалаўскім раёне Магілёўскай Акругі // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 812.
13. Отчет о проведении анти-религиозной пасхи // ГАОМО. – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 84.